

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж86

Разработка серийного оформления *В. Терещенко*

Редактор серии *Ю. Милоградова*

Жукова-Гладкова, Мария.

Ж86 Задача с одним бриллиантом : [роман] /
Мария Жукова-Гладкова. — Москва : Эксмо,
2019. — 320 с. — (Детектив тайных страстей).

ISBN 978-5-04-103828-1

Журналистка Юлия Смирнова случайно узнает об охоте за старинным бриллиантом с невероятной историей. Вначале англичане вывезли его из Индии, потом он попал в Россию для спасения одной из дочерей Николая II. В деле замешаны и английские потомки авантюриста, побывавшего в России в 1918 году, и семья Миллеров, у которых он выкупил за этот бриллиант дочь для обмена на великую княжну. Участники тех событий давно мертвы, но камень, за которым тянется кровавый след, требует все новых и новых жертв. Как остановить убийства? Где сейчас находится бриллиант? Почему потомки участников событий столетней давности именно сейчас собрались в Петербурге?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103828-1

© Жукова-Гладкова М., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Автор предупреждает, что все герои этого произведения и Борисоглебское кладбище являются вымышленными, а сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным.

Глава 1

Я собиралась на любимую работу. В частности, я люблю ее за то, что мне не нужно вставать рано утром. Я могу выспаться! Если не высплюсь, я плохо сообщаю. Я не могу нормально работать. Я готова трудиться до позднего вечера, и если необходимо, то и ночью. Но только не утром. Я работаю в одном известном холдинге, включающем множество печатных и интернет-изданий и один телеканал, вещание которого постоянно расширяется, в том числе благодаря нашим с Пашкой репортажам. Я — ведущая «Криминальной хроники», которая ежедневно выходит в эфир в будние дни, также я веду страницу в еженедельнике «Невские новости», у которого теперь есть не только печатная, но и электронная версия. На своей странице я рассказываю о событиях, не попадающих в эфир, и более подробно о попадающих. Я люблю свою работу, не мыслю себя без нее. Отдельное спасибо криминалу, который работает по вечерам и ночам (будто по моему и Пашкиному заказу). Нашего с оператором присутствия в холдинге никто не требует (какой офис, если снимаем мы совсем в других местах?!), главное — в срок сдать репортаж.

Наш холдинг работает круглосуточно. Если в городе случится что-то по нашей теме, достойное демонстрации в эфире, мне позвонят — или кто-нибудь с работы, или ребята из Управления, с которыми мы с Пашкой дружим много лет. Во всех наших изданиях указан телефон, по которому граждане могут звонить в любое время суток, — и наши операторы звонков примут. Конечно, он указан и на нашем сайте. У меня сложилось впечатление, что граждане чаще сообщают о преступлениях нам, чем в органы. Ну не любят наши граждане полицию, которая их бережет. Так что звонки в органы нередко поступают при нашем посредничестве.

Иногда звонят и прямо говорят: передайте Юле Смирновой (то есть мне), чтобы подъехала туда-то и туда-то. Девочки в колл-центре у нас хорошо обрабатывают и перекидывают сообщения, которые считают стоящими (репортажа, естественно), лично мне, а не в полицию. Ну и мы с оператором Пашкой срываемся на место преступления (на которое потом могут не пустить), снимаем сюжет для «Криминальной хроники», а я потом уже с места событий звоню в органы.

Первой в тот день позвонила наш главный редактор Виктория Семеновна, которая относится ко мне как к дочери (и я по возрасту подхожу на эту роль). Виктория Семеновна — классная тетка, и о такой начальнице можно только мечтать. Внешне, правда, у не подготовленных заранее начинающих авторов и вообще потенциальных сотрудников она вызывает тихий ужас. Росту в ней метр восемьдесят, плечи широченные, ноги здоровенные, размер одежды шестидесятый, обуви — сорок третий, волосы некрашенные, маникюр не делала никогда в жизни, «Беломор» заменяет духи.

Как рывкнет своим прокуренным голосом, так мебель дрожать начинает. Но тетка она веселая, смелая, никаких начальников не боится, чиновников и депутатов ненавидит лютой ненавистью, перед ними не лебезит и задницы никому не лижет. Обожаю ее!

— Выспалась? — спросила любимая начальница вместо приветствия. Зачем тратить на него время?

— И даже уже марафет навела, — призналась я. — Куда надо ехать? И как срочно?

— Ехать надо на Борисоглебское кладбище, — сказала Виктория Семеновна. — Звонили твои поклонники. Я как раз в колл-центр зашла и лично пообщалась. Просили тебе передать, что там тебя ждут два трупа.

— Вообще-то на кладбище...

— Эти лежат поверх могилы и свеженькие. Насколько я поняла, их нашли бомжи. Также просили передать, что у каждого из недавно почивших граждан при себе было по новенькой лопате, у одного даже с биркой, и твои поклонники эти лопаты решили на месте не оставлять. Покойникам уже не нужны, полиция обойдется, а бедным живым гражданам деньги на опохмел требуются. И вообще новая лопата — вещь в хозяйстве полезная.

— Точное место сказали? — спросила я.

Виктория Семеновна повторила недавно услышанные координаты и добавила, что человек в могиле явно не простой, так как у главной аллеи абы кого не хоронят, место очень дорогое.

— Они фамилию назвали? Что там на плите или на кресте выбито?

— Могила свежая, вся в венках и цветах. Памятник еще не успели поставить. Фотография имеется,

а никакой таблички нет. В общем, дуйте с Пашкой на кладбище, на месте разберетесь.

— А они что, с горя? В славянских традициях? И не только славянских? Ушел любимый, и его женщины...

— Там мужчины. Хотя в наше время традиции древних могли и опошлить, окрасив в голубой цвет. Похоронен тоже мужик. Юля, не знаю я деталей! Поезжай и разбирайся. Я решила, что для «Криминальной хроники» — самое то. У нас еще граждане друг друга на чужой свежей могиле не убивали.

— Они...

— Юля, мне некогда! Все, поехала!

И Виктория Семеновна отключила связь. Я подхватила свой весьма внушительный рюкзак, спускаясь в лифте, набрала Пашку, чтобы выходил и ждал на обычном месте, села в машину, которая ночует у меня перед подъездом, и поехала.

Пашку увидела издалека — как всегда, с бутылкой пива. Он — классный оператор, но без пива работать не может. Оно для него как топливо для автомобиля. У Пашки в сумке, как обычно, позвякивало. Он плюхнулся ко мне на переднее место пассажира, сумку с пивом отбросил на заднее сиденье, родную камеру прижал к груди и вопросительно посмотрел на меня.

Я сказала, что на Борисоглебском два трупа. Пашка все так же смотрел вопросительно. Я пересказала, что знала.

— Сейчас Васе позвоню. Узнаем, кого недавно хоронили.

Патологоанатом Василий — давний друг и собутыльник Пашки и, как и мой оператор, такой же классный специалист в своем деле. Мы все знакомы

много лет. Василий меня часто консультирует, выступает в «Криминальной хронике» по моей просьбе, а успешно раскрытые с помощью нас всех дела Пашка с Василием обычно отмечают в холостяцких квартирах одного или другого.

— Вася, кого недавно хоронили на Борисоглебском? — с ходу спросил Пашка и кратко ввел друга в курс дела.

Вася ответить не смог — известных в лихие девяностые криминальных авторитетов, ставших уважаемыми членами общества, и просто бизнесменов вроде в последнее время на погост не отправляли. По крайней мере, в Бюро судмедэкспертизы никакие «важные» трупы не поступали. Я тоже про недавнюю смерть известных в городе лиц — из любых сфер деятельности — вспомнить не могла.

— А по естественным причинам кто из известных людей у нас недавно умирал? — крикнула я, слушая разговор Пашки с Василием. Сама я по криминальным трупам специализируюсь, как, впрочем, и Вася. Но вдруг к ним в морг привозили? Проверить на всякий случай, естественной ли была смерть. — У главной аллеи на Борисоглебском место немереных бабок стоит.

Мои друзья не смогли ответить. Ладно, на месте разберемся.

* * *

В будний день в ноябре на кладбище было пусто. Морозы сменялись оттепелями, снег еще не покрыл землю толстым слоем, хотя снегопады были, но все выпавшее через какое-то время таяло. От гололеда

граждане мучились почти каждый день, так как городские службы, как всегда, оказались к зиме не готовы. Да и от использования реагентов у нас теперь отказались, объясняя этот отказ беспокойством об окружающей среде. Но почему-то забота властей об экологии не распространяется на парки и скверы, которые вырубаются, например, для строительства торговых центров. Получающиеся каменные джунгли — это что, здоровая окружающая среда? Полезная для человека? Или все-таки для чьего-то кармана? Складывается впечатление, что любая деятельность, которая ведется в наше время, нацелена исключительно на чье-то личное обогащение, несмотря на все разговоры о благе народа. Отказались от реагентов — закупили много техники, чтобы убирать снег. Но ведь явно же не все бюджетные деньги пошли именно на закупку. Техника стоит в разы дороже реагентов. Все дело не в экологии, а в том, что с техники откат больше, чем с реагентов?

Насчет прохода по кладбищу я не беспокоилась — центральную и боковые аллеи у нас чистят (то есть должны чистить) на всех кладбищах. На это город выделяет средства, как мне лично сказал один из наших городских «похоронных» начальников. Проход к могиле чистят в случае захоронения (это входит в стоимость), или расчистку можно заказать заранее, если собираетесь посетить кладбище зимой. В прошлом году меня приятно поразило Южное кладбище, куда ездила на похороны, причем после сильных снегопадов: вычищены аллеи были отлично, никаких забулдыг и гастарбайтеров (по крайней мере, я не видела ни одного), только мужчины славянской внешности, все абсолютно трезвые и очень вежливые.

Земля на кладбище, конечно, уже промерзла. Но свежую могилу можно было вскрыть самостоятельно без помощи профессиональных могильщиков и специального инструмента и подготовки. Лопат было бы достаточно. Это, похоже, и собирались сделать двое мужчин, которые лежали в окружении венков и цветов, сдвинутых в сторону.

— Снимай, — сказала я Пашке, разглядывая фотографию немолодого, почти лысого мужчины лет шестидесяти. Или его снимали в шестьдесят, а умер он в гораздо более почтенном возрасте?

Я никогда раньше не видела этого человека. Во внешности не было ничего особенного. Не красавец, но и не урод. Обычный дядька. Я стала читать надписи на венках и по ним тоже не смогла определить, кого похоронили. Кто это такой? Чем он занимался при жизни?

Поверх могилы лежали двое мужчин лет тридцати, может, чуть постарше. Так, как лежали они, могут только мертвые. Лица обоих искажали гримасы боли и ненависти. Рука одного сжимала пику, которая вошла в бок второму и пригвоздила его к земле. Второй сжимал рукоять ножа, который вошел в грудь того, что с пикой. Это ж надо было так постараться! Если бы убитого пикой вовремя нашли, его, возможно, удалось бы спасти. Но мы приехали слишком поздно. Вероятно, и бомжи были слишком поздно (или рано). Я предположила, что эти двое убили друг друга ночью, а бомжи появились утром. Крови вытекло много, она успела замерзнуть. Ночами у нас холодно.

Рядом с могилкой стояла банка с какой-то буровой или красноватой жидкостью, с завинчивающейся

крышкой. Мне показалось, что это кровь, но я не стала к ней прикасаться. На спине убитого пикой был рюкзак, который, в частности, и помешал ему освободиться. Из рюкзака торчал черный полиэтиленовый пакет, я заглянула в него и увидела мужские ботинки. Не стоптанные, но явно ношенные. И явно меньшего размера, чем у убитого. Если какие-то еще вещи и были, то лежали внизу под ботинками, а я знала, что ничего трогать на месте преступления нельзя. Тут, конечно, и до меня люди побывали, но тем не менее. Я предположила, что в рюкзак до меня заглядывали бомжи и, конечно, не посчитали нужным его застегнуть. Спасибо, облегчили мне работу. Ботинки их не заинтересовали.

Я сказала несколько слов перед телекамерой — так, чтобы не заслонять «вид», и его комментируя. Потом сфотографировала «вид» на телефон и отдельно фотографию усопшего. Затем набрала Андрюшу из Управления. После того как жена уехала на чужом «Мерседесе», не выдержав его сумасшедшей работы, Андрюша живет с мамой и больше жениться не собирается. Иногда он с большим удовольствием составляет компанию Пашке и Василию.

— Ну, опять какую-нибудь гадость скажешь или за сводочкой? — спросил давний приятель.

Я сказала гадость и спросила, не знает ли приятель, кого вчера или позавчера хоронили на Борисоглебском. Он не знал, сказал, что выезжает и сам позвонит, кому требуется.

А я сделала еще один звонок. Иван Захарович Сухоруков, которому я звонила, — личность в нашем городе известная, да и не только в городе. В наше время в нашей стране трудно работать, не имея покровите-

ля — по крайней мере, в тех сферах, в которых тружусь я. Мне повезло — я не интересую Ивана Захаровича как женщина. Вот если бы я поправилась килограммов на пятьдесят... Я невысокого роста, худая, совсем не во вкусе известного мецената! Но он объявил меня своим пресс-атташе, и я уже который год освещаю его инициативы, а они очень хорошо вписываются в тематику «Криминальной хроники». Народу они страшно нравятся, и передачи об Иване Захаровиче и его инициативах имеют бешеный рейтинг, тираж «Невских новостей» растет, вот только чиновники не понимают широты русской души старого во-ра в законе, который хочет память о себе на века оставить. То он элитный следственный изолятор желал построить, то мост к старым «Крестам» (а то органам, у которых вечно не хватает бензина, спецавтозак в обход приходилось гонять), то тоннель (там же) и сфинкса на тумбе поставить со своей башкой (в смысле сделанной по образу и подобию). Обо всем этом и многом другом народу рассказываю я. В частности, поэтому граждане, желающие обратиться к Ивану Захаровичу за помощью или защитой, выходят на меня, так как это значительно проще.

Правда, как я понимаю, главная причина выступления Сухорукова со всеми этими инициативами заключается в том, что ему скучно. Денег заработал на много поколений вперед (хотя, несмотря на солидный возраст, никогда не был женат и детей у него нет, но женщин любит, и только женщин), все в жизни перепробовал, включая не одну пятилетку в строгой изоляции, добился всего, чего хотел и о чем в молодые годы даже помыслить не мог. У него не-

сколько официальных предприятий, а сам представляется банкиром. Банк на самом деле есть. Я в нем даже деньги храню, потому что Ивану Захаровичу доверяю больше, чем государству. Нас таких много. По крайней мере, гораздо больше, чем доверяющих государству. Может, потому, что Иван Захарович, несмотря на весь официальный бизнес, до сих пор живет по понятиям (то есть по справедливости), а не по законам (то есть какой-то странной выборочности)?

С его помощником Виталей мы какое-то время жили вместе, потом несколько раз расходились и снова сходились. Жили мы с фейерверком эмоций. Было много хорошего, но расставались каждый раз бурно. Секс с Виталей — это лучший секс в моей жизни. Мы поняли, что в одном доме точно жить не сможем, а вот если иногда встречаться... Но наши встречи тоже проходят бурно. Хотя я знаю, что Виталя всегда придет мне на помощь, если она потребуется. Причем это будет любая помощь — физическая, моральная, юридическая, материальная. Это человек, на которого я могу полностью положиться. В на самом деле трудных ситуациях он всегда на моей стороне — куда бы я ни вляпалась. Конечно, поорет, поматерится, но реально поможет. И «папа» Сухоруков, и все его помощники считают, что их жизнь без меня была бы пресной и скучной. Я говорю, что Иван Захарович и без моего участия все время развлекается. Он отвечает, что не представляет, куда я могу еще влезть и что накопать, и каждый раз удивляется, хотя, казалось бы, удивить его уже невозможно. И при каждой нашей встрече старый вор просит его не разочаровывать. В жизни должен быть интерес!

— Ну? — спросил Виталя, который взял трубку. — Куда еще влезла? И откуда звонишь?

Я сказала, где нахожусь, что вижу, и отправила сделанные снимки Витале. Возлюбленный обещал перезвонить.

В ожидании следственной бригады мы с Пашкой немного прогулялись по окрестностям, посмотрели на памятники, среди которых имелись и дореволюционные. Кладбище появилось в конце XVIII века, хоронили здесь купцов и ремесленников. Имелось немало семейных захоронений, есть даже сообщество потомков тех, кто похоронен на этом кладбище. Люди изучают историю своей семьи, что, конечно, похвально. Некоторые до сих пор хоронят родственников на семейных участках. Кладбище пользовалось большой популярностью в 1990-е годы у определенного контингента, и поставленные в те годы памятники поражают не меньше дореволюционных. Стоили они гораздо дороже. Сейчас хоронят здесь мало, в основном подхоранивают, но место купить можно.

Наши с Пашкой давние знакомые вскоре прибыли и принялись за работу, отпуская свои специфические шуточки. Но как без них-то при такой собачьей работе?

Василий подтвердил, что я все поняла правильно: заколотого пикой можно было бы спасти, а так он умер от потери крови. Заколотому ножом медики бы не помогли, даже если бы находились рядом на кладбище. Точное время смерти Василий с ходу определить не мог — в частности, из-за ночного мороза, но склонялся к мысли, что заколотый ножом умер в час-два ночи, а заколотый пикой — часа в три-четыре.